

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Одна против всех...

Продавец иллюзий,
или Маска страсти

Екатерина Гринева Продавец иллюзий, или Маска страсти

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000819

Екатерина Гринева. Продавец иллюзий, или Маска страсти: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63112-4

Аннотация

Каждая девушка мечтает о принце. Насте повезло: в своем захолустье она встретила именно его: Александр влюбился в нее с первого взгляда и в тот же день увез в Москву, в шикарную квартиру! Однако, как известно, чудес на свете не бывает: в один отнюдь не прекрасный день Настя застала мужа с темноволосой любовницей Аллой. Алла почему-то назвала обманутую жену Мариной, а вскоре красавицу-брюнетку убили и обвинили в этом преступлении... Настю! Так девушка оказалась вне закона, и надеяться ей было абсолютно не на кого, кроме... Вадима, телохранителя ее мужа, который, похоже, знал о нем гораздо больше законной жены...

Содержание

Наши дни	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Гринева Продавец иллюзий, или Маска страсти

Наши дни

– Марина... Марина... – голос доносился до меня как бы издалека. Я слышала и не слышала его. Мне все снится? Или это происходит наяву? Я не могла открыть глаза, как ни силилась. Веки были тяжелыми, как будто бы к ним был привязан груз.

– Марина!.. Марина! Ты слышишь меня?

Я хочу сказать, что «да», но не издаю ни звука.

– Марина... – Мне кажется, что меня тормозат за плечо, потому что боль немедленно отдается во всем теле, пронзает всю меня. Я открываю рот и кричу... Или издаю какие-то звуки, похожие на судорожное покашливание... Я вся дрожу, мое тело сотрясается, и я снова слышу, как чей-то слабый голос доносится до меня.

– Девочка моя, ты жива?

Наверное, все-таки какие-то звуки долетели до человека, сидевшего около меня, потому что его голос звучит все настойчивее и радостнее.

– Марина! Ты жива! И это – чудо.

Голос мужчины, и он мне незнаком. Впрочем, я не могу ничего осмыслить или понять, потому что в голове стреляет и тяжело дышать. Может быть, я сейчас умру? Похоже, что эта мысль меня жутко напугала, и я кричу. Или думаю, что кричу. В голове внезапно что-то взрывается и мелькает мысль: «Неужели это конец?»

Я открываю глаза и натываюсь взглядом на пожилую женщину с усталыми карими глазами. Она смотрит на меня, а я – на нее.

Она дотрагивается до моего лба и спрашивает, наклонившись надо мной:

– Как ты себя чувствуешь?

Она говорит, четко произнося слова, я ее слышу и пытаюсь сказать, что хорошо, но губы не разлепляются, и кажется, я выдавливаю слабое подобие улыбки. Но она меня понимает и поэтому согласно кивает головой.

– Все хорошо, да?

Я моргаю, и она снова кивает.

– Вот и умница! Все будет хорошо. Не сомневайся.

Она разговаривает со мной как с маленьким ребенком, и мне действительно думается, что все будет хорошо.

На ее лице внезапно появляется выражение сосредоточенности и тревоги. Как будто бы на море набежал ветерок и поднял волны. Эту тревогу я вижу в ее глазах, она уже пле-

щется через край. Мне тоже становится страшно, хочется убежать, куда-то скрыться, спрятаться под одеяло... В палату врывается вихрь и заполняет все пространство – это высокий загорелый мужчина в сером костюме и желтом галстуке. Галстук идет к его светло-пшеничным волосам и ярко-голубым глазам. Мужчина наклоняется и всматривается в меня. А я – в него.

– Марина! – выдыхает он. – Моя Мариночка!

Мне становится неловко: я не знаю этого мужчину, но в его голосе столько нежности и заботы, что я часто-часто моргаю.

– Как она? – Он поворачивается к пожилой женщине с усталыми глазами.

– Очнулась, Александр Викторович, – выдыхает она. – Слава богу! Очнулась.

– Да-да, – нетерпеливо говорит он. – Спасибо, Варвара Алексеевна, за уход.

– Старалась, ухаживала...

– Маришка! – он целует меня в лоб, а я беспокоюсь ерзаю. От мужчины пахнет хорошим одеколоном, он высокий, шумный, большой, в его присутствии я словно съеживаюсь в размерах и становлюсь маленькой-маленькой. Мне неудобно и хочется снова остаться наедине с Варварой Алексеевной. С ней хорошо, и от нее пахнет валерьянкой, этот запах меня успокаивает. Но мужчина не уходит... Напротив, он придвигает стул и садится ближе ко мне.

– Мариш! Я так ждал этого момента...

Я не понимаю его, более того, не знаю!

Но он с таким обожанием смотрит на меня, что мне становится неловко: как я могу сказать, что он мне незнаком? Как?

Он берет мою руку в свою и целует кончики пальцев. Нежно, бережно. Мне хочется отдернуть руку, я пытаюсь освободиться. Он внимательно смотрит на меня и еще крепче сжимает мою руку.

– Я чуть не умер вместе с тобой, понимаешь? – эти слова он сказал шепотом, наклонившись надо мной. Его страстный взгляд обжег меня, и я мучительно выдавила улыбку. Может быть, я потом сумею что-то понять. Потом... но не сейчас, когда в голове время от времени стреляет, а во рту сухо и хочется пить.

– Пить, – прошептала я. – Хочу пить...

Его глаза сузились.

– Да-да. Варвара Алексеевна. Это к вам.

Она мгновенно подлетает ко мне.

– Одну минуту, я сейчас... здесь есть вода. Но я сейчас... свеженькой... сию минуту.

Сиделка ушла, и мы остались вдвоем. И снова я испытала странное чувство: мне хочется убежать от этого человека, хотя он очень красив и многие женщины мечтали бы остаться с ним наедине и желали бы, чтобы он целовал их пальцы. Многие, но не я! По моей спине проходит дрожь, сердце от-

чаянно бьется, я ощущаю себя словно в западне...

Мой собеседник с удивлением смотрит на меня. Он явно не понимает моего поведения и не может этого скрыть.

– Что-то случилось, Мариночка? – в голосе бесконечная нежность и забота. Но мне от него ничего не нужно. Ничего. Подумав, я нахожу выход: закрыть глаза и притвориться спящей. Может быть, тогда он уйдет и оставит меня в покое? Я так и сделала... Но Александр никуда не ушел, он сидел рядом, и я слышала его дыхание близко-близко.

Внезапно он наклонился ко мне и поцеловал. Властно, сильно. Так, что мои губы заныли... Я открыла глаза, и мне показалось, что в его взгляде мелькнула насмешка... Или это игра моего воображения?

Он погладил меня по волосам.

– Маленькая! Сколько же ты натерпелась, и я вместе с тобой. Если бы с тобой что-то произошло... – он покачал головой, и между бровей пролегла складка.

«А что произошло?» – так и подмывает спросить. Что? Судя по всему, я попала в автокатастрофу? Или это было что-то другое? Я счастливо отделалась? Раз я жива-здоровая? Я даже не знаю, что у меня повреждено... Может быть, спросить? Но... как-то неудобно. Решат, что у меня не все в порядке с головой, раз я спрашиваю такое. Мне не хочется, чтобы обо мне так думали, и я молчу. Лучше я потом аккуратно порасспрашиваю Варвару Алексеевну, когда Александр уйдет. Кстати, кто он? Мой муж, жених? Друг? Нет,

друг отпадает сразу. Явно муж или жених? Я не знаю, кто он... и этот мужчина меня пугает. Почему? Почему мне так неуютно в его присутствии... Я теряюсь в догадках, не зная ответа на этот вопрос.

– Ты лежи. Отдыхай, – ласково говорит он мне. – Поправляйся. Я хочу, чтобы ты поскорее выздоровела. Это мое единственное желание.

Я снова закрываю глаза. Мне плохо. Перед глазами мелькают какие-то разноцветные круги, черные и золотистые точки – все прыгает, мельтешит, мне кажется, что сейчас я хлопнусь в банальный обморок... Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что Александр заботливо наклоняется надо мной.

– Тебе плохо? Ты что-то побледнела...

– Все нормально, – выдавливаю я.

– Вот и отлично. – Он целует меня в лоб.

Появляется Варвара Алексеевна с подносом, на котором стоит стакан воды. Она протягивает стакан, Александр приподнимает мне голову, и я жадно пью. Вода стекает по подбородку, Александр вытирает его своим пальцем. По моей спине проходит дрожь. И это не укрылось от мужчины.

– Маленькая, ты дрожишь, – шепчет он мне и сжимает руку, вытянутую поверх одеяла.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Больше всего мне хотелось остаться одной, но если бы я высказала это желание вслух, меня бы неправильно поняли.

Александр был мужчиной-мечтой многих женщин. Подтянутый, загорелый, белоснежная улыбка, хороший парфюм, дорогой костюм. А мне хотелось... поскорее от него избавиться. Но это желание приходилось изо всех сил скрывать.

Александр смотрит на часы и невольно хмурится.

– Пора! – бросает он в воздух. – Дела заели. Для тебя стараюсь, маленькая...

Он приподнимается со стула и целует меня в лоб.

– Скоро я приду опять. Жди.

Я моргаю и улыбаюсь, что означает согласие.

Александр ушел, Варвара Алексеевна посмотрела на меня озабоченно.

– Сейчас температурку померяем, – сказала она, ощупывая мой лоб. – Вроде бы нормальная, но померить нужно обязательно. Вчера еще высокая была, тридцать семь и семь. А сегодня – спала. Но лучше перестраховаться в таком деле. – Голос Варвары Алексеевны звучит на одной ноте, без пауз, и я чувствую, как этот звук отдается в мозгу. Голова становится сонной, и хочется спать. Глаза слипаются, но неутомимая Варвара Алексеевна ставит мне градусник под мышку, и я ощущаю его прохладу.

– Подержи немного, посмотрим, что там у тебя сегодня, – говорит она.

Я смотрю на Варвару Алексеевну: у нее доброе круглое лицо, над верхней губой пробиваются едва заметные усики.

Бывают такие женщины, глядя на которых сразу возникает мысль о домашнем уюте, вкусных пирогах и накрахмаленных скатертях. Варвара Алексеевна именно такая женщина. Она внушает мне чувство доверия, и я решаюсь спросить.

– Александр... мой муж... – я сказала эти слова полувопросительно-полуутвердительно. Сиделка внимательно посмотрела на меня.

– Александр Викторович – золотой человек. О таком муже каждая мечтает! Добрый, внимательный. Когда с вами эта беда приключилась, он чуть с ума не сошел!

У меня на языке вертится следующий вопрос: «Какая беда?» Но я молчу, понимая, что это уже слишком. Я привлеку внимание, и после больницы меня упекут в психушку, а я этого не хочу... Со мной все в порядке... Все хорошо...

Мои веки тяжелеют, я чувствую, как вытаскивают градусник и громко говорят: «Тридцать шесть и шесть».

– Слава богу!

Но я уже провалилась в крепкий сон.

Мне снится темный лес. Какой-то странный, деревья большие, кряжистые, с тяжелыми ветками, которые гнутся прямо к земле. И тесное пространство между деревьями усыпано этими ветками. Я ступаю прямо по ним, спотыкаюсь, но иду вперед. Я не знаю, куда я иду и зачем, но упрямо шагаю по лесу, словно меня кто-то гонит вперед. Какое время суток – непонятно. Либо поздний вечер, либо ночь. Я поднимаю голову, но небо – в тучах, звезд нет. Я иду почти на ощупь,

раздвигая ветки руками. Внезапно поднимается сильный ветер, он врывается в лес и буквально сбивает меня с ног. Но несмотря на ярость ветра, я иду вперед, наклонив голову и отбиваясь от веток, которые стегают меня по рукам, ногам и лицу.

Такое чувство, что лес никогда не кончится и я непременно упаду и уже не встану, но что-то придает мне силы, и больше всего я боюсь, что они внезапно иссякнут. Мне хочется пить, я бы отдала все за чашку воды, но понимаю, что взять ее неоткуда.

Вдруг впереди я вижу просвет. Неясную полосу, чуть светлее темного леса и неба. Я ускоряю шаг и пытаюсь бежать, но ветер мешает это сделать... Я падаю, но сразу вскакиваю на ноги и иду к этому заманчивому просвету. Это вода. Река. Я как зачарованная смотрю на нее. Мне нужно переплыть эту реку. Иначе я навсегда останусь здесь, в этом лесу. Но вода одновременно манит и пугает меня. Я стою и не знаю, что делать. Похоже, у меня нет выхода, я должна выбраться отсюда. Непременно.

Я ныряю в воду, и меня сразу сковывает ледяной холод. Руки-ноги немеют, вода забивается в рот, и я судорожно, рывками, плыву вперед. Река неширока, я вижу противоположный берег, куда мне нужно попасть. И это придает мне силы. Вдруг что-то тяжелое обвивается вокруг меня, и я пытаюсь избавиться от него. Я отталкиваю непонятный «предмет» руками и ощущаю чужую руку. Неожиданно человек

всплывает на поверхность. Это оказывается женщина, лицо которой закрывают волосы... Я испуганно кричу... и просыпаюсь.

Мое сердце гулко бьется, и я не могу отдышаться. В комнате было темно, только около двери горел ночник, а за ней угадывалась чья-то фигура. Варвара Алексеевна?

Я спустила ноги с кровати и попыталась подняться. Голова дико закружилась, и я упала обратно. Сильно болело бедро. На тумбочке стоял стакан с водой. Я жадно пила из него большими глотками, мне хотелось пить еще и еще... Поставив пустой стакан обратно, я растянулась на кровати и натянула одеяло до подбородка. Какое-то время я лежала без сна, а потом незаметно уснула.

Проснулась я от бодрого энергичного голоса. Я испуганно открыла глаза и сразу наткнулась на взгляд мужчины среднего возраста в белом халате, в очках. У него было крупное, как иногда говорят, породистое лицо и выразительные губы. Очки были с толстыми стеклами, и взгляд из-за этого был похож на взгляд рыбы-телескопа.

– Вы очнулись? – громко спросил он, потирая руки. – С вами все в порядке?

«Нет. Не все и не в порядке», – хотелось сказать мне, но слова застряли в горле. Я уже поняла, что мне лучше молчать, пока я не узнаю... кто я... При этой мысли я улыбнулась. Как это забавно: даже не знать собственного имени!

– С вами все в порядке? – повторил свой вопрос доктор.

– Да, – выдавила я.

– Отлично! – Он снова потер руки. Он разговаривал со мной как с первоклашкой. – Голова болит?

– Нет.

– За-ме-ча-тель-но! – с расстановкой произнес он. – Вы на пути к полному и окончательному выздоровлению. Вы пациентка, которой я горжусь.

– Спасибо!

Здесь он захохотал, как будто бы я сказала что-то неприличное или очень смешное.

– Спасибо, как говорится, вам, а не мне. Я скромный врач и выполняю свой долг. Только и всего. А вы... вы супруга большого человека, и моя обязанность поставить вас скорее на ноги. Ваш муж – очаровательный тиран, он каждый день пытал меня: сколько вы еще будете валяться без сознания на койке, и мне приходилось с трудом его успокаивать. Я несколько раз думал, что он просто меня прибьет. Но нет, обошлось!

– Я поговорю с ним, чтобы он вас... не тиранил, – сказала я.

– Боже мой! – замахал руками врач. – Оставьте! Он вас не слушает. Он никого не слушается. Никого и никогда. Я его знаю. Поэтому – оставьте.

– Хорошо. Не буду.

Краем глаза я видела Варвару Алексеевну, которая держалась на расстоянии.

– Полежите здесь денька два-три, и мы вас выпишем. Поедете к себе, там и отдохнете.

Сколько вопросов вертится у меня на языке, но я проглатываю их. И молчу.

– Дмитрий Олегович! – вставила Варвара Алексеевна. – Лекарства давать прежние?

– Да-да. Пока оставляем все как есть. Пусть наша красавица скорее идет на поправку. Сделаем все, что от нас зависит.

В следующие десять минут он меня осматривает: заставляет высунуть язык, щупает горло, трогает лоб и руки.

– Вроде нормально, пациентка идет на поправку, – и он подмигивает мне.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Чем-то мне этот доктор нравится – своей энергией, напором, приветливостью. Именно таким и должен быть доктор: не внушать уныния, а пытаться убедить больного, что у него все в полном порядке. Даже если это не так. Не случайно говорят, что если хандрить, то болезнь разовьется еще больше...

– Такой вы мне больше нравитесь, – улыбнулся в ответ Дмитрий Олегович. – Оставайтесь такой всегда. Договорились?

Я кивнула в ответ. Мне было еще трудно говорить.

– Отлично! Варвара Алексеевна! – позвал он сиделку и, понизив голос, стал говорить с ней на медицинские темы.

Я, закрыв глаза, ощущала, что впадаю в дрему. Все-таки я была еще очень слаба, и поэтому клонило в сон.

Проснулась я от того, что кто-то стоял надо мной. Я почувствовала человека раньше, чем открыла глаза. Это была Варвара Алексеевна. Ее глаза смотрели на меня сочувственно-внимательно.

– Проснулись? Пора лекарство принимать. Есть-то хотите?

Аппетита не было. Но я подумала, что если я буду есть, то скорее поправлюсь.

– Что-нибудь легкое.

– Ну конечно, легкое... мясной бульончик и пюре картофельное с куриной котлеткой. А позже – ваш любимый клубничный мусс.

– Мой любимый?

– Так Александр Викторович сказал, это ваша любимая еда.

– Ах да! – я подумала: сколько раз я буду попадать впро�ак, ведь я не знала ни своей любимой еды, ни одежды, ни вкусов и пристрастий... Меня охватила настоящая паника: если я не сумею подстроиться под саму себя, реально существующую Марину, то меня точно упекут в психушку, лучше скрывать провалы в памяти до последнего. И попытаться как-то начать вспоминать... Может быть, почитать, когда выйду, соответствующую литературу по этому вопросу.

– Хорошо, – согласилась я. – Я действительно люблю мусс. Просто как-то об этом... забыла. Голова... – для большей убедительности я дотронулась до своей головы. – Болит и

раскалывается.

– Ах, боже мой, – запричитала сиделка. – Что же вы мне сразу-то не сказали? Я бы вам таблетку дала. Зачем терпеть-то?

– Я не так выразилась. У меня она только что заболела...

– Ничего страшного. Одна таблетка – и голова пройдет.

Примите.

Варвара Алексеевна достала из кармана халата упаковку с таблетками и оторвала одну.

– Вода на тумбочке. – На тумбочке стоял стакан с водой, как и вчера. Я замолчала.

– Это я, наверное, разболталась, вот у вас голова и заболела. Вы лежите, отдохайте, – голос Варвары Алексеевны звучал монотонно, как течет вода в ручье. Ее голос успокаивал; меня от него тянуло в сон. Как же я была слаба!

Я лежала в полусне-полуяви. Я никак не могла провалиться в полноценный и долгожданный сон, и вдруг странное предчувствие сковало меня. Это был не просто страх, это был настоящий ужас... он рождался где-то в глубине меня и сковывал все движения, казалось, я не могу пошевелить даже пальцем. Голос тоже сел... Я вдруг поняла, что здесь *кто-то* есть... может быть, таким образом обострилась моя интуиция за то время, что я была между жизнью и смертью? Я не знаю.

Сон как рукой сняло. Каждый звук моментально отзывался в мозгу: каждый шорох, каждый скрип... Я хотела крик-

нуть и позвать Варвару Алексеевну, но не могла. Голос сел.

«Да что же это такое, – испуганно подумала я. – Что творится... Кто здесь? Зачем?»

Собрав силы, я сползла с кровати и спряталась под ней. Одеяло свешивалось почти до пола, и, наверное, если бы кто-то заглянул в комнату, у него сложилось бы впечатление, что я куда-то ненадолго вышла. Может быть, в туалет.

Раздались тяжелые шаги. Я замерла, сжав руки в кулачки. Дверь распахнулась, и кто-то подошел к кровати. Я зажала себе рот рукой, чтобы не закричать от страха. Мне были видны только ботинки – тяжелые мужские ботинки с толстой подошвой, напоминающие армейские. Постояв какое-то время около кровати, неизвестный развернулся и, судя по звукам, ударом ноги распахнул дверь в туалет. Потом хлопнула входная дверь, и я перевела дух. Что делать дальше – я не знала. У меня не было телефона, чтобы кому-нибудь позвонить, убежать далеко я вряд ли бы сумела... просто потому, что у меня не было сил двигаться. Я выползла из-под кровати и только собралась лечь обратно, как снова раздались шаги. Теперь их уже было несколько, как будто бы шел армейский взвод. Я с трудом дошла до ванной, держась за стенки рукой, и встала там у двери, предварительно закрыв ее. Щеколды не было. Я оставила маленькую щелку, чтобы наблюдать за происходящим. Только я очутилась в ванной, как вошли трое в черных брюках и черных куртках. Одного я видела со спины, другого – в профиль, третий вертел головой по сторонам.

– Где она? – сказал один из них.

– Когда я вошел, ее уже не было.

– Бля... и что нам делать? – в голосе высокого, того, кто стоял в профиль, слышалась растерянность.

– Она не могла никуда уйти.

– Надо поискать.

– В туалете смотрел?

– Да.

Я застыла на месте и, пошатнувшись, сползла на пол. Он может захотеть проверить еще раз. К тому же, когда он уходил, дверь была открыта. А сейчас она закрыта...

Нечеловеческий страх, как ни странно, придал мне силы. Я подняла голову. Над унитазом было небольшое окно. Если изловчиться, то можно выбраться наружу. Судя по всему – второй этаж, не разобьюсь, все равно другого выхода нет.

Я подергала шпингалет окна, он не поддавался, я боялась дернуть сильнее, чтобы не зашуметь, но вдруг раздался тонкий пронзительный звук, и я застыла на месте. Этот звук был похож на вой сирены.

Я сползла на пол, подтянув к себе колени, и заткнула уши руками. Это был конец. Глупый бесславный конец.

Раздались автоматные очереди; они прошили пространство, отдаваясь в моем мозгу. В унисон им звучали гортанные резкие крики; стреляли и стреляли, я кричала, не слыша своего голоса, и вдруг неожиданно почувствовала, как кто-то гладит меня по щекам.

Я открыла глаза и увидела Александра, склонившегося надо мной. Я вспомнила автоматные очереди и зарыдала во весь голос. Он подхватил меня на руки и отнес в кровать.

Я рыдала, цеплялась руками за Александра, плакала...

Он гладил меня по голове и успокаивал:

– Ты что, маленькая, что ты... испугалась? Это я виноват: оставил тебя одну, я не должен был этого делать. Прости, больше я тебя не оставлю. Дмитрий Олегович сказал, что тебе лучше, опасности для жизни нет никакой, и ты можешь переехать к нам, в загородный особняк... Там тебе будет лучше, за тобой будет уход... Я с тебя глаз не спущу, буду беречь и холить. С тобой ничего не случится. Поверь мне! Ничего...

– Да? – Я подняла к нему заплаканное лицо. – Это правда?

Больше всего после этого жуткого налета мне хотелось остаться в полной безопасности, оказаться в месте, где меня никто не найдет.

– У нас есть коттедж? А когда мы туда поедем? Это далеко?

– Маленькая, ты и правда серьезно больна, – муж поцеловал меня в лоб. – Ты не помнишь наш коттедж? Не помнишь, как мы там все любовно расставляли и покупали мебель? А помнишь, как ты приобрела большого белого мишку с красным шарфиком и сказала, что он будет стражем нашего дома?

Я прислушалась к себе: никаких ассоциаций при слове

«белый мишка с красным шарфиком» у меня не возникло. Неужели я и правда так больна, что в моей памяти образуются провалы и я не могу ничего вспомнить? Плохи же мои дела! К тому же на меня охотятся... Зачем? Кому я нужна? Какие тайны храню, если моя голова – дырявое решето и я ничего не могу вспомнить. Что хотят от меня эти люди?

– А кто... они?

– Не знаю, маленькая...

Я нервно рассмеялась и уткнулась в плечо Александра.

– Я исправлюсь, – сказала я и улыбнулась. – Я буду послушной и выздоровлю. Обязательно. Только... – я провела пальцем по его щеке, – будь рядом со мной. Хорошо? Не оставляй меня больше одну.

Прикосновение к щеке тоже не вызвало во мне никаких эмоций. Неужели этот человек – мой муж и я с ним ложилась в одну постель... Этот мужчина был мне чужим. Я нахмурилась. Моя задача: скрывать собственное состояние от мужа и окружающих, иначе меня упекут в психушку. А я туда не хочу, я не ненормальная. Просто... Просто... что-то случилось с моей памятью. Но, возможно, она восстановится и все будет в порядке. Только нужно подождать.

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони и широко улыбнулась, посмотрев на мужа снизу вверх.

– Все в порядке? – шепнул он, целуя меня в нос.

– Да. Когда ты рядом... – я не закончила фразу, вошла Варвара Алексеевна.

– Как вы? Это я виновата, – запричитала она, – не надо было уходить, но я пощупала лоб – жара не было, вот я и ушла. Кто были эти бандиты, боже мой, совсем распоясались уголовники...

– Не надо, – оборвал сиделку Александр. – Не надо больше ни о чем напоминать. Это лишнее. Сейчас вернутся эти воспоминания... и Марина будет плакать.

– Да-да, конечно, – услужливо поддакнула Варвара Алексеевна. – Я все поняла.

– Оставьте нас одних.

Сиделка ушла, и мы остались вдвоем.

– Теперь ты можешь поспать.

– Нет, – помотала я головой, – я не усну. И даже не проси.

– Но тебе обязательно надо поспать, прежде чем...

– Прежде чем?..

– Все потом. Главное – успокойся и подремли хотя бы полчаса.

Он накрыл меня одеялом, убавил свет ночника, и мягкий желтый свет разлился по комнате. Я прикрыла глаза. Я видела, как мой муж подошел к окну и, вынув из кармана соевой, набрал какой-то номер. Он говорил тихо, и слов я почти не слышала. Незаметно я уснула и проснулась от того, что кто-то брал меня на руки. Я открыла глаза: двое мужчин склонились надо мной. Я собиралась вскрикнуть, но один из них зажал мне рот рукой.

– Тише... свои...

Я замотала головой.

– Твой муж, – тихо, наклоняясь к моему лицу, сказал мужчина. – Он сейчас придет. Отлучился ненадолго.

Я замерла, не зная: верить ему или нет. Слабо хлопнула дверь, и через минуту я уже видела лицо Александра.

– Напугали? Прости... я должен был тебя предупредить, но не хотел тревожить раньше времени... Мы уезжаем отсюда. И чем незаметней это сделаем, тем лучше... Мы покидаем больницу тайком, чтобы нас никто не видел.

– Почему? – вырвалось у меня.

– То нападение... маленькая... – и он погладил меня по голове, – было совершено не случайно. Эти люди имеют своего человека среди персонала. Лучше принять меры предосторожности, чем подвергнуться снова такой опасности. Ты меня понимаешь?

Я все понимала, даже слишком хорошо. Налет был тщательно спланирован и сорвался по чистой случайности. Но чем я могла помочь им?! Женщина с дырявой головой, которая ничего не помнила из своего прошлого, которая и настоящее-то воспринимала с трудом.

– Хорошо, – я кивнула. – Я сделаю все, как ты захочешь.

– Умница! – Муж погладил меня по щеке, и его палец, твердый, жесткий задержался на скуле и слегка надавил на нее, как бы проверяя упругость кожи.

И опять жест не вызвал никакого отклика во мне. Мало того, что я потеряла память, я еще потеряла и всякую чув-

ствительность...

Я сдвинула брови.

– А куда мы едем?

– Домой, в коттедж... Там ты полностью придешь в себя. Я обещаю. Я окружу тебя заботой и вниманием, ты больше никогда не останешься одна... Это я во всем виноват!

– Не надо, – я скосила глаза. Мужчины теперь находились чуть поодаль, они не смотрели на нас, но все равно мне было очень неловко.

Следующие полчаса я помнила очень плохо, мы покинули палату и шли какими-то коридорами, вернее шли мои сопровождающие, которые несли меня на руках по очереди. Я была очень слаба и временами чувствовала во рту тошнотворный привкус страха и отчаяния. За окном была настоящая темень, в коридорах тоже было хоть глаз выколи, только кое-где слабый свет пробивался из-под дверей. Несколько раз меня тряхнуло, но я, стиснув зубы, даже не охнула: я боялась, что нас обнаружат и начнется перестрелка. Я считала про себя, желая, чтобы все скорее кончилось. Муж шел впереди, изредка оборачиваясь и улыбаясь. Я робко улыбалась в ответ, стараясь не показать своего страха и отчаяния. Этот путь был для меня туннелем, из которого, как мне казалось, мы никогда не выберемся. Или норой, куда угодила Алиса. В детстве, когда я смотрела этот мультик, мне почему-то казалось, что Алиса никогда не приземлится, а будет лететь и лететь вниз... И сейчас я сама себе напоминала Алису, толь-

ко я не знала, какой конец будет у моей истории, учитывая недавнее нападение. В этом месте мне захотелось соскочить с рук и бежать. Бежать вперед... Но тут открылась дверь, и мы наконец вышли на улицу. Небо было как дырявая черная простыня, с которой светили маленькие светлячки – звезды. Потянуло холодом, и я вдруг почувствовала, как замерзла, но даже не могла обхватить себя руками и согреться... Впереди черной глухой стеной тянулся лес, на минуту мне показалось, что он непроницаем, и если зайти в него, то можно расшибить лоб и тело. Не успела я додумать свою мысль, как мужчина, у которого я была на руках, нырнул под черные разлапистые ели, и ветки вяло хлестнули меня по лицу. Я зажмурилась. Из одного туннеля мы нырнули в другой, и теперь я словно плыла по длинной черной реке. Ветки щекотали лицо и руки, и вдруг мы вышли на дорогу, где стояли две машины, похожие на окаменевших зубров.

Муж обернулся, и тот, кто нес меня на руках, быстрым шагом подошел к машине, и я оказалась внутри. Я легла на заднее сиденье и попыталась встать, опираясь о спинку кресла водителя. За руль сел другой мужчина, а рядом с ним – муж. Он обернулся ко мне и спросил хриплым голосом:

– Все в порядке? Скажи хоть что-нибудь.

– В порядке, – ответила я шепотом. – А что, уже все?

– Нет, «все» будет, когда приедем домой. Потерпи еще немного.

– Конечно... а скоро мы будем дома?

– Не знаю. Смотря как поедем. Можешь поспать в дороге.

Я провалилась в тяжелую дрему, а когда очнулась, то увидела, как лучи-фары шарят по чугунным воротам, из которых вышел, щурясь, охранник, и как он чуть ли не бегом рванул к нашей машине. Я подняла голову.

– Мариночка! Все! Приехали.

Ворота распахиваются, и мы подъезжаем к дому, в котором на первом этаже горит свет. Дом нависает надо мной кораблем-громадой, и я невольно съеживаюсь. Меня подхватывает на руки мужчина, который сидел за рулем, и мы идем к дому. Впереди муж, мы за ним, и замыкает шествие охранник.

На крыльце стоит какая-то женщина, кутаясь в платок.

– Эльвира Николаевна, мы приехали.

– Ну, слава богу! – вырывается у нее. – Я так беспокоилась...

– Да-да...

В холле, куда меня внесли, зажгли свет, и я с удивлением смотрю вокруг: незнакомая большая комната, заставленная светлой мебелью, камин, около камина два кресла... Резной буфет с дверцами, за стеклами которого поблескивает посуда.

– С приездом! – мужчина опускает меня на пол, и я чуть не падаю, но муж поддерживает, и я крепко вцепляюсь ему в рукав. – Я отнесу тебя наверх, в твою спальню. Хорошо?

Муж подхватывает меня и несет на второй этаж. Я при-

жимаюсь к нему и по-прежнему ничего не чувствую. «Но это пройдет, – думаю я. – Обязательно пройдет. Это близкий мне, родной человек, и мы снова будем вместе. Обязательно».

Александр вносит меня в спальню – большую комнату в белых тонах. Кровать, накрытая белоснежным покрывалом, белая мебель, резной шкаф с позолотой, трюмо, стулья с гнутыми ножками. А в углу – большой игрушечный белый мишка в красном шарфике и с красным сердечком в лапах.

– Помнишь? – шепчет муж. – Помнишь этого мишку, как мы его покупали, а потом принесли сюда и любили друг друга прямо на полу, а мишка смотрел на нас. Ты еще сказала, что он тебе сразу ужасно понравился, и ты захотела его купить, потому что у тебя был такой в детстве, только поменьше.

Я не помню ни мишки, ни своего детства. Но, похоже, меня теперь это даже не пугает. Я уже свыклась со своим состоянием полного беспамятства, и главное для меня – умело все скрывать.

– Помню, – прошептала я, – ужасно спать хочется.

– Да-да, я понимаю. Ты столько натерпелась, бедная, я страшно рад, что ты – здесь, рядом со мной, под надежной охраной. И я больше тебя никуда не отпущу. Как тогда... Я думал, что умру вслед за тобой. Но ты спаслась... Бог услышал мои молитвы и вернул мне тебя.

– Да-да, – я уже почти окончательно впадаю в сон, я ниче-

го не понимаю, и мне хочется только одного – отключиться.

Он укладывает меня на кровать и стягивает одежду. Аккуратно, словно боясь причинить мне боль своими прикосновениями.

Его руки невесомо скользят по мне. Я даже не чувствую никакого стеснения или стыда.

– Я тоже рада, что я здесь.

Раздев, он укрывает меня одеялом и целует в лоб.

– Сладких снов, маленькая. До завтра!

Проснувшись, я открываю глаза и первое время не понимаю, где я. Солнце проникает в комнату сквозь тончайший тюль, и в воздухе пляшут золотые искорки. Я с трудом встаю и вспоминаю вчерашний день. Я дома! Я у себя дома!

Но я не помню ни этого дома, ни себя... Не помню белого мишки в углу с сердечком в лапах. Словом, я не помню ничего!

Белое покрывало все в сложных замысловатых узорах, я силюсь вспомнить: когда я его покупала, или я выбирала все по каталогу, а потом мне привезли сюда? И когда я обставила этот коттедж? Как давно мы женаты? Год, два, три, пять? Детей, судя по всему, у нас нет?

Я снова откинулась на подушку, и вдруг лежавший на тумбочке сотовый залился трелью. Я схватила телефон.

– Алло! – раздался веселый голос Александра. – Встала, моя лапочка? Что делаем? – это был нарочито бодрый голос

мужа, который заботится о своей больной жене. И этот голос почему-то вызвал у меня сильнейшее раздражение.

– Я еще сплю.

– А с кем ты тогда разговариваешь?

Я невольно проснулась.

– С тобой, кажется. Хотя, может быть, я до сих пор сплю, – ехидно добавила я.

– Я рад, – голос мужа вдруг стал серьезным. – Рад, что ты смеешься и у тебя хорошее настроение.

– Я рада, что ты рад.

– Вот и славненько!

– Где ты? – Я поймала себя на мысли о том, что я стараюсь соответствовать ему и играю роль жены, которая интересуется, где ее муж.

– На работе, где же мне быть еще! Все пашу, как проклятый, вместо того, чтобы быть рядом с тобой. Это единственное, о чем я жалею.

– И когда будешь?

– Не знаю. Как освобожусь – позвоню. Не скучай!

– Постараюсь.

– Мариночка! Тебе и правда лучше?

– Наверное, – скороговоркой сказала я и дала отбой.

Внутри я ощутила глубокую усталость: сколько я буду еще притворяться? И как скоро разоблачат мой обман?

Прошло несколько дней. У меня был постельный режим,

и даже еду мне носили наверх. Однако я потихоньку вставала с кровати и ходила по комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.